

Бараш Любовь Александровна

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ СУБЪЕКТ КОММУНИКАЦИИ

Статья посвящена исследованию феномена постмодернистского субъекта. Анализ специфики субъективности во второй половине XX - начале XXI в. предпринят в целях изучения особенностей постмодернистской художественной коммуникации. Исследование проводится на основе работ французских и итальянских постструктуралистов. Несмотря на крайне негативистскую оценку современного субъекта философами-постструктуралистами, его изучение необходимо для понимания особенностей взаимоотношений постмодернистских художника и зрителя.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/6.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2017. № 12(86): в 5-ти ч. Ч. 4. С. 29-31. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2017/12-4/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 74

Философские науки

Статья посвящена исследованию феномена постмодернистского субъекта. Анализ специфики субъективности во второй половине XX – начале XXI в. предпринят в целях изучения особенностей постмодернистской художественной коммуникации. Исследование проводится на основе работ французских и итальянских постструктуралистов. Несмотря на крайне негативистскую оценку современного субъекта философиями-постструктуралистами, его изучение необходимо для понимания особенностей взаимоотношений постмодернистского художника и зрителя.

Ключевые слова и фразы: субъект; коммуникация; структура; децентрация; деконструкция; сингулярность; симулякр.

Бараш Любовь Александровна, к. филос. н.

*Российский университет дружбы народов (филиал) в г. Сочи
libar3017@mail.ru*

ПОСТМОДЕРНИСТСКИЙ СУБЪЕКТ КОММУНИКАЦИИ

Я открываю роман – и не нахожу ни героев, ни событий. Только набор цитат. Я приготовилась слушать музыку и – ничего, кроме тишины. В этой тишине я «слышу» что-то похожее на мелодию. Я сама вплету в неё нити других мелодий, это будет моя музыка. Хочу посмотреть картину современного художника, но мне дают холст и предлагают написать картину самой. Что ж, это будет моя картина. Автор «умер»? Нет, скорее, он самоустранился. Он уступает своё место мне. И может быть, он притаился у меня за спиной, наблюдая, сумею ли я понять его мысль, продолжить, развить её, а может быть, возразить и придумать что-то совсем иное...

Коммуникация, которая происходит между постмодернистскими субъектами – художником и зрителем – не имеет ничего общего с классической. Она обусловлена свойствами этих субъектов, и на них мы остановимся. Хотя стоит ли говорить о сущности постмодернистского субъекта, если он попросту не существует? Ведь теоретики постмодернизма объявили о «смерти субъекта». Или слухи о его смерти преувеличены? Можно ли вообще говорить о коммуникации, если исчез её субъект?

В концепциях Р. Барта, Ж. Лакана, Ж. Деррида, У. Эко, Ж. Делёза и Ф. Гваттари, Ю. Кристевой, М. Фуко «смерть субъекта» предстает не только как утрата субъектности человеком, но шире – как исчезновение черт субъектности в культуре в целом, в её духовной и художественной сферах. Если в классической, а затем в модернистской парадигме субъект – это цельная, свободная, независимая, самостоятельная, мыслящая творческая личность, имеющая собственную жизненную позицию, ориентированная на определенные ценности, помещенная в какой-либо контекст – территориальный, профессиональный, творческий, то постмодернистский субъект – прямая противоположность такой личности.

У. Эко называет нового субъекта «воплощенной незадачей» [11, с. 446]. У Р. Барта это «расколотый», «разрушенный», «расщеплённый», «извращённый» субъект [1, с. 472-487]. Ю. Кристева также отмечает «расколотость» и «расщеплённость» его сознания [8]. Представления других философов-постмодернистов о современном субъекте пессимистичны в большей или меньшей степени, но общее в них одно: субъект предстаёт лишённым своей онтологической сущности, потерявшим свою автономность и суверенность. Ощущение «конца истории», «смерти Бога» порождает в нём безнадежность, бездейственность, ибо теряется смысл жизни и деятельности. Постмодернистские ирония, насмешка, игра приходят на смену серьёзности предыдущего модернистского периода. Номадность появляется взамен оседлости, стремление к разрушению – вместо созидания и модернистской глубины. Мужское начало, преобладавшее в модернизме, уступает место постмодернистскому женскому. Модернистские неравноправие и нетерпимость сменяются постмодернистской толерантностью.

Интересно, что субъектностью как специфически человеческим качеством теперь наделяется не человек, а язык, культура в целом. Во всяком случае, это следует из концепции Ж. Лакана. Факторы речи, языка детерминируют жизнедеятельность человека в первую очередь, считает не только Ж. Лакан, но и другие философы постсовременности – Р. Барт, Ж. Деррида, Ю. Кристева. Их концепции сближаются в том, что субъект детерминируется лингвистическим миром – речи, письма, текста, языка. Вне этого мира человек жить не может [7], в то время как языковая структура, по мнению постструктуралистов, является самодостаточной и может существовать без человека. В мире языка сублимируются все человеческие устремления и формы активности, не задействованные в других сферах постсовременной действительности. Не только человек помещён в пространство текста, лингвистического моделирования мира, но и сама культура превращается в текст, означающий в понимании постструктуралистов абсолютно всё – прежде всего бытие в широком смысле, включая все его формы, в том числе и онтологическую данность культуры.

Если Соссюр считал язык предметом частной науки в рамках более общей семиологии, то Ж. Деррида полагает лингвистику в качестве основы, на которой должно надстраиваться здание всех прочих гуманитарных наук [9, с. 89]. Соответственно, человек располагается во всеобщем тексте, который не имеет полей в строгом смысле этого слова и охватывает собой всю реальность – историческую, экономическую, политическую, сексуальную и т.д. [Там же, с. 106-107]. Во-первых, субъектность, по мысли Ж. Деррида, обусловлена

фактом определённых отношений человека с системой языковых различий. Во-вторых, само существование субъекта ставится им в зависимость от специфики структуры. Структура же в принципе не может иметь *центра*, а «отсутствие центра означает отсутствие субъекта» [5, с. 460]. Таким образом, предпринимаемая им деконструкция метафизического дискурса, логоцентризма оборачивается *деконструкцией* субъекта.

Констатация отсутствия центра важна и для понимания концепции Ж. Делёза, ибо субъект или, точнее, то, что могло бы быть субъектом, формируется в децентрированном трансцендентальном поле [3, с. 229, 231]. Ж. Делёз ставит вопрос о генезисе индивидов, личностей, то есть фактически исследует проблему генезиса субъекта. Он решительно отвергает и метафизическое обоснование такого генезиса, и обоснование на базе трансцендентальной философии и находит ту точку, где метафизика и трансцендентальная философия сходятся в том, что условиями генезиса могут быть безличные доиндивидуальные *сингулярности*.

«Что касается субъекта нового дискурса (если учесть, что больше нет никакого субъекта), – говорит Ж. Делёз, – то это ни человек, ни Бог, а ещё меньше – человек на месте Бога. Субъектом здесь выступает свободная, анонимная и номадическая сингулярность, пробегающая как по человеку, так и по растениям и животным, независимо от материи их индивидуации и форм их личности» [Там же, с. 144-146]. В условиях «децентрированного центра», в мире доиндивидуальных безличных сингулярностей происходит «крушение Я», здесь нет места ни бытию Бога как изначальной индивидуальности, ни Я как личности [Там же, с. 231].

Недаром М. Фуко в предисловии к «Анти-Эдипу» резюмирует в качестве одного из главных принципов, которые следовало бы применять современному человеку в повседневной жизни, совет ««деиндивидуализировать» себя посредством умножения и смещения, различных комбинаций». И не только себя. Группа индивидов также должна быть «постоянным генератором “деиндивидуализации”» [10, с. 9].

Как рождается и функционирует, что представляет собой «этот деиндивидуализированный» субъект? В «Анти-Эдипе» Ж. Делёза и Ф. Гваттари субъект таков, каким его порождает капиталистическая «машина», и существование его обусловлено законами желания – реалиями капиталистической действительности. Произведённый «желающей машиной» как остаток, придаток, дополнительная деталь и испытывающий состояния притяжения и отталкивания на «теле без органов» (таковы концепты Делёза), субъект не имеет «постоянной идентичности, он всегда децентрирован» [4, с. 40-41].

Пожалуй, наиболее пессимистичный взгляд на сущность современного субъекта мы находим у Ж. Бодрийяра. Интересна чисто стилистическая особенность его письма. Он настойчиво и часто употребляет слово «все» – «все стали потенциальными творцами», «всё заявляет о себе», «всё самовыражается» и т.д. [2, с. 26, 30]. Действительно, трудно найти более подходящие выражения для характеристики массового общества потребления, мира *симулякров*. В таком обществе нет места индивидуальности. И может быть, неслучайно во всех работах Ж. Бодрийяра «постоянно воссоздаётся точка зрения некоего коллективного “мы” и нигде не появляется взгляд единичного, экзистенциально ответственного “я”; если и упоминается “я”, то обычно это типовое, категориальное “Я” психоанализа» [6, с. 39].

Как видим, суждения теоретиков постмодернизма о сущности субъекта во многом перекликаются друг с другом. И неслучайно У. Эко, желая показать, насколько несостоятельна «эта воплощённая незадача, субъект», вовлечённый в игру намёков и умолчаний, оплетённый сетью символов [11, с. 446], прибегает к цитате из Ж. Деррида: «Рождённый как нехватка, отверстая рана, с первых шагов уязвлённый желанием... человек клеймён как оплошность, которая предрасполагает его к смерти и празднует смерть в каждом её жесте» [Там же, с. 444].

Так детерминируется постмодернистский субъект в онтологическом и лингвистическом плане в современной западной философии. Дополняют картину другие аспекты детерминации и конституирования субъекта. В гносеологическом плане признание постмодернизмом того факта, что ни познаваемый мир, ни познающий субъект не являются неизменными, раз и навсегда данными, – отнюдь не открытие, это было высказано ещё досократиками. Однако характеристика постмодернистскими мыслителями познающего субъекта существенно отличается от классической парадигмы. Если раньше общепринятым было положение о том, что познающий субъект никак не влияет на познаваемый объект и не является его частью, то постнеклассическая парадигма противоположна: получаемое субъектом знание об объекте субъективно, изучаемый объект таков, каким его видит субъект. Таким образом, границы между познаваемым объектом и познающим субъектом стираются, теперь подчёркивается, что субъект не изолирован от изучаемого процесса, явления, предмета, а находится как бы внутри него, является его частью, более того, влияет на предмет познания. Такая характеристика современной гносеологической ситуации имеет своей причиной гипертрофию субъектности, присущую культуре XX века в целом, даже несмотря на крайне нигилистическую оценку субъекта постмодернистскими мыслителями. Но вывод, который следует отсюда, неутешителен в отношении оценки возможностей познания: «чистое» познание в интерпретации постструктуралистов, скорее всего, невозможно.

Аксиологическая детерминированность проявляется в анархии ценностей в сознании субъекта. Отсутствие центра в смысловом поле (Ж. Деррида, Ж. Делёз), желание «освободиться от власти целостности» и «множественность» прочтений не только текстов произведений, но и текста культуры, о чём многократно говорит Р. Барт [1, с. 33, 37, 40-41, 89, 137, 153, 192, 196], «многоликость», «богатство прочтений» текстов как в узком (произведение), так и в широком (культура) смысле, которые утверждает У. Эко [11, с. 362-363, 367], – всё это проявление безграничного плюрализма в ценностной ориентации и, как следствие, свободы выбора субъектом как моральных, так и эстетических приоритетов.

Если в мире ценностей для субъекта нет ограничений, то в материально-практической области он жёстко детерминирован. Появившееся в эпоху Возрождения и возраставшее в последующие века гордое осознание

безграничности духовных и физических сил, дающих человеку возможность активно преобразовывать окружающий мир, теперь сменяется чувством апатии, осознанием ненужности и безнадежности усилий. Способность к активному преобразованию мира – черта чисто субъективная – вытесняется десубъективирующей силой – идеалами потребления. Именно это детерминирует постмодернистского субъекта в материально-практической сфере: он осознаёт, что его задача – не столько создавать, творить окружающую действительность, сколько просто вписываться в неё.

Итак, в общей сложности характеристика субъекта в толковании мэтров постмодернизма выглядит как беспросветно негативистская, вплоть до констатации «смерти субъекта». В то же время в различных областях деятельности детерминация субъекта резко различается: в аксиологической и материально-практической сферах она оказывается нигилистической, а в гносеологической признаётся высокий уровень субъективности. В связи с этим возникает вопрос: существует ли область деятельности, где снимается это противоречие, где возможен выход из кризиса субъектности?

На протяжении тысячелетий в каждом типе культуры художественная коммуникация была такой, каковы были особенности субъекта. В зависимости от этих особенностей решалась проблема авторства: на ранних этапах художественной культуры художественная деятельность была коллективной, за ними последовали периоды, когда субъективность авторского начала становилась востребованной всё больше. В зависимости от уровня развития субъекта преобладали те или иные формы творчества и восприятия, складывались художественные стили и направления. Возможно, кризис субъектности, возникший на современном этапе, преодолим именно в сфере общения, коммуникации вообще и художественной коммуникации в частности. Потому что именно здесь в органическом синтезе «снимается» специфика остальных видов человеческой деятельности – материально-практической, познавательной, аксиологической. И именно в художественном моделировании мира, в постмодернистской художественной коммуникации намечаются черты новой субъектности.

Список источников

1. **Барт Р.** Избранные работы. Семиотика. Поэтика / пер. с фр. Г. К. Косикова. М.: Прогресс; Универс, 1994. 616 с.
2. **Бодрийяр Ж.** Прозрачность зла / пер. с фр. Л. Любарской и Е. Марковской. М.: Добросвет, 2012. 260 с.
3. **Делёз Ж.** Логика смысла / пер. с фр. Я. И. Свирского. М.: Академический Проект, 2011. 472 с.
4. **Делёз Ж., Гваттари Ф.** Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. 672 с.
5. **Деррида Ж.** Структура, знак и игра в дискурсе гуманитарных наук // Деррида Ж. Письмо и различие / пер. с фр. Д. Ю. Кралечкина. М.: Академический Проект, 2007. С. 447-468.
6. **Зенкин С. Н.** Жан Бодрийяр: время симулякров // Ж. Бодрийяр. Символический обмен и смерть / пер. с фр. С. Н. Зенкина. М.: Добросвет; КДУ, 2013. С. 5-40.
7. **Ильин И. П.** Постмодернизм от истоков до конца столетия: эволюция научного мифа. М.: Интрада, 1998. 255 с.
8. **Кристева Ю.** Избранные труды: разрушение поэтики / пер. Г. К. Косикова, Б. П. Нарумова. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. 656 с.
9. **Филиппов Л. И.** Грамматология Ж. Деррида и литературный авангардизм // Французская философия сегодня: анализ немарксистских концепций / отв. ред. И. С. Вдовина. М.: Наука, 1989. С. 87-109.
10. **Фуко М.** Предисловие к американскому изданию «Анти-Эдипа» // Делёз Ж., Гваттари Ф. Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения / пер. с фр. Д. Кралечкина. Екатеринбург: У-Фактория, 2008. С. 5-10.
11. **Эко У.** Отсутствующая структура. Введение в семиологию / пер. с итал. В. Г. Резник и А. Г. Погоняйло. СПб.: Симпозиум, 2004. 544 с.

POSTMODERNIST SUBJECT OF COMMUNICATION

Barash Lyubov' Aleksandrovna, Ph. D. in Philosophy
Peoples' Friendship University of Russia (Branch) in Sochi
libar3017@mail.ru

The article is devoted to the study of the phenomenon of the postmodernist subject. The analysis of the specifics of subjectivity in the second half of the XX – at the beginning of the XXI century is undertaken in order to study the features of postmodernist artistic communication. The study is based on the works of French and Italian poststructuralists. Despite the extremely negative assessment of the contemporary subject by post-structuralist philosophers, its study is necessary to understand the features of the relationship between the postmodernist artist and the viewer.

Key words and phrases: subject; communication; structure; decentration; deconstruction; singularity; simulacrum.